

личаются они лишь степенью продуктивности. Термины, выраженные словосочетанием, в юридической терминологии английского языка составляют 40%, а в юридической терминологии татарского языка 71% от общего количества терминов. В английской юридической терминологии достаточно высокий процент односложных слов – 30%. Простых терминов в терминосистеме юриспруденции татарского языка нами было выявлено незначительное количество (10%). Производные термины составляют 18% в английской и 13% в татарской терминосистеме права. Сложные слова в исследуемых языках составили незначительное число от количества общих терминов права: 5% – в английском языке, 4% – в татарском языке. Были выявлены общие структурные модели: $N+N=N$, $Adj'+N=N$. Исследование показало, что при помощи аббревиации образовано 7% всего объема правовой лексики в английском языке и около 2% в татарском языке.

Библиографический список

1. *Абрегова А.В.* Специфика формирования и функционирования юридических терминов-аббревиатур в современном английском языке: Дис. ... канд. фил. наук. – Саратов, 2005. – 129 с.
2. *Амиров К.Ф.* Русско-татарский юридический словарь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. – 103 с.
3. Англо-русский полный юридический словарь. Академическое издание / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. – М.: Эксмо, 2008. – 816 с.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 608.
5. *Мешков О.Д.* Словообразование современного английского языка. – М., 1976. – 248 с.
6. *Николаева М.М.* Формирование и развитие терминологии уголовного права в татарском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 238 с.
7. *Суперанская А.В.* Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

УДК 410

Шаталова Ольга Васильевна

кандидат филологических наук

Липецкий государственный педагогический университет
shat_o_v@mail.ru

АВТОР И ПЕРСОНАЖ: СИНТАКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

В статье обосновывается возможность разграничения речи автора и персонажа в рамках несобственно-прямой речи на основе синтаксического анализа (на материале романа И.А. Гончарова «Обломов»).

Ключевые слова: языковая личность, автор, персонаж, приоритетные синтаксические конструкции.

Одной из самых актуальных проблем исследования художественного текста является разграничение позиции автора и персонажа, что связано с возможными формами представления (репрезентации) образа автора и образа персонажа в ткани текста средствами языка. Сегодня изучение личности автора и персонажа напрямую связано с концепцией языковой личности, так как язык – субстанция, в которой существует персонаж и в которой автор может проявить себя в соотношении с текстом (действием) художественного произведения. В создании и оформлении языковой личности особая роль принадлежит индивидуальной речи и автора, и персонажа, так как в языковом поведении персонажа, в порождаемых им текстах, по наблюдению Ю.Н. Караулова, «опредмечивает-

ся» духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений [1].

Лексикон и манера речи являются общепризнанными репрезентантами параметров языковой личности. В то же время можно говорить о том, что выбор говорящим синтаксической конструкции для выполнения конкретных коммуникативно-прагматических установок определяется внутренними возможностями того или иного вида конструкции. Следовательно, синтаксические параметры позволяют разграничивать языковую личность автора и персонажа.

В романе И.А. Гончарова «Обломов» автор и персонаж различаются не столько эмоционально-психическими установками, сколько сюжетно-композиционными ролями. Повествование ведется от 3-го лица (третьеличный нарратив),

автор здесь представлен как «неперсонифицированный всезнающий повествователь-творец, не принадлежащий миру текста и не обладающий прагматической мотивированностью» [2]. Автор-рассказчик наблюдает происходящее как бы со стороны, но в то же время вникает в размышления героев, дает квалификацию тому или иному сюжетному повороту с помощью различных языковых форм реализации своей позиции.

Объективным методом для выявления спектра приоритетных конструкций, стилистических фигур и специфических синтаксических приемов в речи автора-рассказчика является анализ текстовых отрывков, которые представляют собой прямое авторское повествование. Автор – внимательный и чуткий наблюдатель, замечаящий многочисленные детали происходящего, поэтому в речи автора частотными являются следующие синтаксические конструкции: 1) предложения с однородными членами; 2) предложения с распространенным определением; 3) предложения с распространением; 4) предложения с уточнением; 5) МСП с различными видами связи; 6) СПП с придаточными причины; 7) БСП с причинными отношениями между компонентами (в речи Обломова подобные конструкции фактически отсутствуют. Это связано с тем, что причины происходящего мало волнуют его мысль. Даже тягостные раздумья о сущности собственной натуры, огорчающие Обломова, заканчиваются следующим: – *Однако... любопытно бы знать... отчего я... такой?* – *сказал он опять шепотом. Веки у него закрылись совсем. – Да, отчего? Должно быть... это... оттого... – силится выговорить он и не выговорил. Так он и не додумался до **причины**; язык и губы мгновенно замерли на полуслове и остались, как были, полукруглыми. Вместо слова послышался еще вздох, и вслед за тем начало раздаваться ровное храпенье безмятежно спящего человека).*

Синтаксическая характеристика языковой личности не может быть исчерпывающей без выявления приоритетных стилистических фигур. Наиболее распространенными в речи автора в романе И.А. Гончарова «Обломов» являются 1) расширенная метафора: *Он [Штольц] считал счастливым себя уже и тем, что мог держаться на одной высоте и, скача на коньке чувства, не проскакать тонкой черты, отделяющий мир чувства от мира лжи и сентиментальности, мир истины от мира смешного, или, скача обратно,*

не заскакать на песчаную, сухую почву жестокости, умничанья, недоверия, мелочи, оскорбления сердца; 2) сравнение: *Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием;* 3) инверсия, которую можно считать специфической чертой идиостиля автора, проявляющейся фактически в каждом предложении.

Автор из своих детальных и последовательных наблюдений старается сделать определенные выводы, поэтому синтаксический рисунок речи часто выстраивается специфическим периодом, когда некоторое количество разнородных фактов, логически между собой связанных и передаваемых с помощью многочленных объемных конструкций с различными видами осложняющих компонентов, завершается простым предложением минимального объема, предложением-выводом. Например: *Из Михея не выработался делец и крючкотворец, хотя все старания отца и клоунылись к этому и, конечно, увенчались бы успехом, если б судьба не разрушила замыслов старика. Михей действительно усвоил себе всю теорию отцовских бесед, оставалось только применить ее к делу, но за смертью отца он не успел поступить в суд и был увезен в Петербург каким-то благодетелем, который нашел ему место писца в одном департаменте, да потом и забыл о нем.*

Так Тарантьев и остался только теоретиком на всю жизнь.

Таким образом, в речи автора в романе И.А. Гончарова «Обломов» формируется специфическая синтаксическая семантико-композиционная единица, имеющая промежуточные характеристики: это сложное синтаксическое целое, логически построенное как период, где несколько предложений различной структуры выступают как компоненты одной логической части, а простое предложение-вывод – как вторая часть. Данное синтаксическое явление можно условно обозначить как ССЦ-период. Также формируется «обратный» ССЦ-период, в структуру которого входят предложение-тезис (ПП) и предложения-обоснования.

Анализ языковой личности главного героя романа Гончарова по аналогичным параметрам позволяет выявить, что приоритетны в речи Об-

ломова следующие синтаксические конструкции: 1) простые предложения; 2) СПП с придаточным изъяснительным; 3) СПП с придаточным определительным; 4) предложения с вводным и вставным компонентом.

Наиболее часто в речи Обломова проявляются такие стилистические тропы и фигуры, как: 1) лексический повтор (*...Все это к лицу молодости, которые легко переносит и приятные и неприятные волнения; а мне к лицу покой, хотя скучный, сонный, но он знаком мне...*), 2) эпитеты (*чистое, благоуханное воспоминание; фальшивый, негреющий свет; задумчивая, затаенная сила; мягкий и свежий голос*); 3) фразеологизмы (*Сегодня Мехмет Али послал корабль в Константинополь, и он ломает себе голову: зачем? Это им постороннее: они не в своей шапке ходят*).

Формально речь Обломова часто оформляется как монолог, но имеющий вопросно-ответную форму: *А я что такое? Обломов – больше ничего. Вот Штольц – другое дело: Штольц – ум, сила, умение управлять собой, другим, судьбой. Куда ни придет, с кем ни сойдется – смотришь, уж овладел, играет, как будто на инструменте... А я?... И с Захаром не управляюсь... и с собой тоже... я – Обломов!*

В романе И.А. Гончарова «Обломов» достаточно часто внешнее оформление повествования (пунктуация, семантические и грамматические маркеры) не соответствует внутренней «принадлежности» того или иного высказывания автору или персонажу. В художественном дискурсе внутреннего речь персонажа естественно переходит из одной формы представления в другую, например, из прямой – в косвенную или несобственно-прямую. При этом она сохраняет свою лексико-грамматическую структуру, в том числе синтаксическую специфику, однако теряет пунктуационную разграниченность с авторским текстом и лишается авторских ремарок, поясняющих, что передаваемые мысли, чувства принадлежат персонажу.

«Когда же жить? – спрашивал он опять самого себя. – Когда же, наконец, пускать в оборот этот капитал знаний, из которых большая часть еще ни на что не понадобится в жизни? Политическая экономия, например, алгебра, геометрия – что я стану с ними делать в Обломке?»

И сама история только в тоску повергает: учишь, читаешь, что вот-де настала година

бедствий, несчастлив человек; вот собирается с силами, работает, гомозится, страшно терпит и трудится, все готовит ясные дни. Вот настали они – тут бы хоть сама история отдохнула: нет, опять появились тучи, опять здание рухнуло, опять работать, гомозиться... Не останавливаются ясные дни, бегут – и все течет жизнь. Все течет, все ломка да ломка.

Лексический, синтаксический и стилистический рисунок текста, выделенного формально в отдельный абзац и лишенный внешнего указания на то, что это речь Ильи Ильича Обломова, органично продолжает его размышления, оформленные как прямая речь в предыдущем абзаце, содержащем авторскую ремарку. Во втором абзаце данного отрывка присутствуют такие приоритетные формы речи Обломова, как: высказывание состоит в основном из простых предложений, осложненных минимальными синтаксическими рядами с соединительным союзом (*терпит и трудится, ломка да ломка*), в которых используется прием лексического повтора (*гомозиться, работать, опять, течет, ясный*). Также данный отрывок интонационно совпадает с эмоциональными прямыми высказываниями, оформленными как произносимые вслух монологи, например, в споре с Пенкиным о сущности литературы (ч. 1, гл. 2) или в диалоге со Штольцем о жизни (ч. 2, гл. 4).

Если же речь, оформленная как авторское повествование, переходит в косвенную или несобственно-прямую речь персонажа, то она меняет свою лексико-грамматическую структуру, а также синтаксическую организацию текста.

Например, сцена утренних размышлений Обломова (ч. 1, гл. 8) написана от лица автора с незначительными по объему вставками прямой речи, передающими формальный диалог с Захаром, не влияющий существенно на семантическое развитие сюжета.

(1) *Настала одна из ясных сознательных минут в жизни Обломова.*

(2) *Как страшно стало ему, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и назначении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью, когда в голове просыпались один за другим и беспорядочно, пугливо носились, как птицы, пробужденные внезапным лучом солнца в дремлющей развалине, разные жизненные вопросы.*

(3) *Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему; и зависть грызла его, что другие так широко и полно живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования.*

(4) *В робкой душе его выработывалось мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты и ни одна не разработана до конца.*

(5) *А между тем он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, теперь уже умершее, или лежит оно, как золото в недрах горы, и давно пора этому золоту быть ходячей монетой.*

(6) *Но глубоко и тяжело завален клад дрянью, наносным сором.* (7) *Кто-то будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища.* (8) *Что-то помешало ему ринуться на попрание жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли.* (9) *Какой-то тайный враг наложил на него тяжелую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения...*

(10) *И уж не выбраться ему, кажется, из глуши и дичи на прямую тропинку.* (11) *Лес кругом его и в душе все чаще и темнее; тропинка зарастает более и более; светлое сознание просыпается все реже и только на мгновение будит спящие силы.* (12) *Ум и воля давно парализованы, и, кажется, безвозвратно.*

(13) *События его жизни уменьшились до микроскопических размеров, но и с теми событиями не справится он; он не переходит от одного к другому, а перебрасывается ими, как с волны на волну; он не в силах одному противопоставить упругость воли или увлечься разумом вслед за другим.*

(14) *Горько становилось ему от этой тайной исповеди перед самим собою.*

Однако то, что автор передает эмоциональное состояние героя, его духовно-нравственные искания, влияет на внутритекстовое развитие повествования. Анализируемый отрывок представляет собой авторское повествование, которое начинается с объективного описания внешнего положения и внутреннего состояния героя и постепенно переходят в перечисление тех фактов, которые составляют образ идеальной жизни в пред-

ставлении Обломова. Но чем более автор погружается в описание мира Обломова, тем более приближается интонация и семантика речи автора к интонации и семантике речи героя, происходит последовательное изменение и субъективно-модальной интонации, которая становится более эмоциональной, окрашенной экспрессивными оттенками («субъективно-модальный план персонажа чаще связан с эмоциональной оценкой ситуации, а авторский – с интеллектуализованной» [3]).

Здесь можно наблюдать своеобразный кинематографический прием («наезд камеры»), когда от крупных планов (в данном случае имеются в виду объективные авторские оценки) происходит переход к детальному изображению объекта, и в этот момент происходит подмена того, чьими глазами читатель / зритель видит происходящее, то есть проникновение, погружение в мир Обломова происходит при непосредственном его участии. Затем процесс принимает обратное направление (по внешнему фабульному развитию сцены Обломов начинает засыпать), происходит «отъезд камеры», читатель слышит уже не голос Обломова, а вновь речь автора, спокойно и относительно беспристрастно наблюдающего своего героя. Такая «волнообразная» организация текстового пространства, характеризующаяся переходом типа «прямая речь автора – несобственно-прямая речь персонажа – прямая речь автора», проявляется в том числе и в синтаксическом оформлении. Учитывая приоритеты использования синтаксических конструкций, стилистических фигур автором и персонажем, можно выстроить следующую схематическую характеристику текста, основанную на структурных и коммуникативно-прагматических свойствах каждого предложения:

1) ПП, предложение-тезис в ССЦ-периоде; (Автор – далее: А)

2) МСП, составные компоненты осложнены однородными членами (*судьба и назначение; беспорядочно, пугливо*), сравнительным оборотом (*как птицы*), распространенными и нераспространенными определениями (*пробужденные внезапным лучом солнца в дремлющей развалине* и др.); (А)

3) МСП с разными видами связи, составные компоненты осложнены однородными членами (*неразвитость, остановка, тяжесть*), минимальными синтаксическими рядами с соедини-

тельным союзом (*широко и полно; узкая и жалкая*), распространенными и нераспространенными определениями (*мешающую всему* и др.), присутствуют книжно-риторические метафоры (*зависть грызла его; как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования*); (А / ПЕРСОНАЖ – далее: П)

4) МСП с однородным подчинением, с придаточными определительными, составные компоненты – простые предложения, ничем не осложненные, используются эпитеты (*в робкой душе его вырабатывалось мучительное сознание*), лексический повтор (*вырабатывалось, разрабатаны*), присутствует метафора (*стороны натуры не пробуждались... тронуты... не разрабатаны*); (А / П)

5) МСП с разными видами связи, составные компоненты осложнены однородными членами (*хорошее, светлое*), сравнительным оборотом (*как в могиле; как золото в недрах горы*), определениями (*теперь уже умершее* и др.), вводными словами (*может быть*), используется лексический повтор (*золото*), предложение организовано семантически как развернутая метафора; (А / П)

6) ПП, осложнено минимальным синтаксическим рядом с соединительным союзом (*глубоко и тяжело*) и фразеологизмом (*лететь на всех парусах*); (П)

7) ПП, осложнено минимальными синтаксическими рядами с соединительным союзом (*ура! и закопал, миром и жизнью*); (П)

8) аналогично предложению 7; (П)

9) аналогично предложению 6; (П)

10) ПП, осложнено минимальным синтаксическим рядом с соединительным союзом (*из глуши и дичи*) и вводным словом (*кажется*); (П)

11) БСП, составляющие компоненты осложнены минимальными синтаксическими рядами с соединительным союзом (*кругом и в душе, чаще и темнее, более и более, просыпается и будит*), присутствует метафора (*сознание просыпается и будит спящие силы*); (П)

12) аналогично предложению 10; (П)

13) МСП с разными видами связи, составные компоненты осложнены однородными членами (*хорошее, светлое*), сравнительным оборотом (*как с волны на волну*), используется лексичес-

кий повтор (*события*) и фразеологизм (*не в силах*), присутствует инверсия; (А / П)

14) ПП, предложение-вывод (А).

При этом и лексико-семантическое наполнение предложений, характерных для речи автора и речи персонажа, различается. Высказывания автора как лица, объективно и относительно нейтрально наблюдающего Обломова, лексически достаточно нейтральны, в них присутствуют научные термины, имеющие определенные рационально-количественные оттенки в значении (*одна из, параллель, остановка в росте, нравственный, сознание, парализован, микроскопический*); персонаж предстает как эмоциональная личность, поэтому в его речи присутствуют неопределенные местоимения, слова с книжно-риторической коннотацией, отражающие экспрессию говорящего (*судьба, назначение, жалкий, мучительный, дрянь, сор, кто-то, что-то, поприще*).

Таким образом, текстовый рисунок обозначается переходом от собственной речи автора, через посредство конструкций, носящих промежуточный характер, то есть построенных с использованием синтаксических приоритетов как автора, так и персонажа, к конструкциям, характерным для речи именно персонажа, а затем обратный переход. Причем этот процесс отличается плавностью, соблюден один из основных языковых принципов – образование промежуточных зон между изначально полярными составляющими.

Таким образом, анализ синтаксической природы данного отрывка позволяет выявить специфику взаимоперехода речи автора в речь персонажа и наоборот, реализующегося в типе несобственно-прямой речи.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2003. – С. 70.
2. Попова Е.А. Литературная коммуникация как объект изучения лингвистики нарратива // *Philologos*. – 2008. – Т. 1–2. – №4. – С. 224.
3. Коростова С.В. Несобственно-прямая речь как объект лингвопрагматического анализа художественного текста // *Русский язык в школе*. – 2010. – №7. – С. 17.